

УДК 291.13(303.446.4+004.738.5)
DOI: 10.35103/SMSU.2022.78.43.050

**«ВЕЛИКАЯ ЧЕРКЕСИЯ»: К ВОПРОСУ О МИФАХ В
ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ И ИСТОРИОГРАФИИ ЗАПАДНОГО
КАВКАЗА⁶**

Белозёрова Марина Витальевна

Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр
Российской академии наук» (г. Сочи, Россия)

Аннотация

В статье рассматривается содержание понятия «Великая Черкесия». Актуальность заключается в том, что проблематика не в полной мере разработана в отечественной историографии, отсутствуют письменные источники для изучения генезиса этой проблемы, использование идеи «Великой Черкесии» в 1990-е – начале 2000-х годов получило широкое распространение в СМИ и Интернет-ресурсах, оказало влияние на общественное сознание адыгов и черкесов. Методологической основой стали принципы системного подхода, использованы выборочный метод, историко-генетический и компаративный анализ.

Автор пришел к выводам: понятие «Великая Черкесия»/«Черкесия» является политической мифологемой, стала одной из основных в идеологических и мировоззренческих установках для некоторых социальных групп. Эта мифологема имеет этническую, региональную специфику, обращена в прошлое. В основе мифологемы находится концепция, созданная на базе трактовок, сформированных в Османской и Британской империях в XIX веке. В информационном поле и региональной историографии Западного Кавказа она посвящена генезису «государственности» у адыгских народов.

Ключевые слова: политическая мифология, мифологема, «Великая Черкесия», историография, информационное поле, адыги, черкесы

**«GREAT CIRCASSIA»: ON THE ISSUE OF MYTHS IN THE INFORMATION
FIELD AND HISTORIOGRAPHY OF THE WESTERN CAUCASUS**

Belozeroва Marina Vitalievna

Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of
Sciences (Sochi, Russia)

Abstract

The content of the «Great Circassia» concept is considered in the article. The principles of the systematic approach became the methodological basis; the selective method, historical-genetic and comparative analysis were used in the Circassian statehood genesis study.

The issue relevance lies in the fact that the problem is not fully developed in Russian historiography. There are no written sources for studying the genesis of this problem. At the

⁶ Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания ФИЦ СЦ РАН № 0492-2021-0014

same time, the idea of «Great Circassia» was widely spread in the media and Internet in the 1990s-early 2000s and influenced the public consciousness of the Circassians and Circassians. The author came to the conclusion: the concept of «Great Circassia»/«Circassia» is a political mythologeme, it has become one of the main ideological and ideological attitudes for some social groups. This mythologeme has an ethnic, regional specificity, and is turned into the past. The basis of the mythologeme is the concept of the nineteenth century. It is based on the interpretations that were formed in the Ottoman and British Empires. According to its content, the mythologeme is devoted to the genesis of «statehood» among the Adyghe peoples.

Keywords: political mythology, mythologeme, «Great Circassia», historiography, information field, Adyghe peoples, Circassians

Введение (Introduction)

Современный миф как основа политической мифологии является продуктом коллективной памяти этноса. Р. Барт, работы которого считаются основополагающими в области изучения социальной мифологии, говорил о мифе как «о похищенном языке, с помощью которого осуществляется политическое и экономическое манипулирование» [2, с. 98]. Исследования в этой сфере показывают, что миф формируется как на основе фольклора и мифологии, передавая современные версии мифологических и фольклорных героев, в том числе адаптируя их к условиям современности. Так и на основе кого-либо яркого события в истории народа. Первую группу мифов относят к традиционным, вторую преимущественно к искусственно формируемым. В мифах выделяют, так называемые мифологемы. В историографии мифологема трактуется как сюжетно-мотивационный сегмент мифа, возникающий как эмоциональная рефлексия [17, с. 66] и характеризующийся исследователями как «политическая мифологема» [19, с. 55].

Актуальность проблематики исследования мифа в целом, и его сегмента «политической мифологемы» как части искусственно формируемого мифа заключается в том, что политическая мифологема имеет этническую, региональную специфику, ориентацию на «опыт и идеи предшествующих поколений» [12, с. 14–15]. В данном контексте следует констатировать, что современные мифологемы в достаточной степени быстро распространяются в информационном пространстве через СМИ и Интернет, формируя «альтернативную» историческую реальность и оказывая влияние на общественное сознание. Актуальность проблематики определяется и тем, что вплоть до настоящего времени она не в полной мере разработана в отечественной историографии в целом, а также с недостаточной изученностью сюжетов, привязанных к определенным историческим событиям.

Целью данной работы является определение содержания одной из мифологем – «Великая Черкесия», как части общей проблематики, связанной с событиями Кавказской войны XIX столетия. Нами проанализированы историографические источники (воспоминания участников Кавказской войны и историко-этнографические исследования XIX в.), работы современных исследователей, в той или иной степени затрагивающих данный вопрос, материалы Интернет-ресурса.

Акцентируем внимание на некоторых аспектах. При рассмотрении вопросов, связанных с генезисом государственных образований у племен Западного Кавказа, ряд современных региональных исследователей опирается в основном на анализ вторичных (историографических) источников [4; 5]. Это связано с тем, что многие

автохтонные народы, включая адыгов и адыгские субэтноты Западного Кавказа (шапсугов, абадзехов, натухайцев, убыхов), не имели письменности. Учитывая это, следует признать, что важнейшим способом хранения информации, источником коллективных исторических представлений, по словам Э.А. Шеуджена, стала «эпическая модель истории» [26, с. 16]. То есть на основе исторических событий и фактов успешно конструируются мифы и роль их оказывается довольно весомой.

Методы (Methods)

Методологической основой стали принципы системного подхода. Был использован выборочный метод по хронологическому срезу (вторая половина XIX в., 1930-е гг., конец XX – начало XXI вв.). Историко-генетический и компаративный анализ позволили проследить генезис и содержание мифологемы «Великая Черкесия».

Литературный обзор (Literature Review)

В региональной историографии вопрос о государственности адыгов является одним из актуальных (важных, насущных). Образ «Черкесии», «Великой Черкесии», «Западной Черкесии» стал лейтмотивом многих работ, посвященных истории этих народов и их субэтнотов. Ряд исследователей соотносят его появление, по крайней мере, с позднесредневековой историей при взаимодействии с «кочевыми государствами», таким образом вводя это понятие в международное поле [18, с. 67, 103; 23, с. 5, 13, 28, 46, 47; 24, с. 274]. Некоторые исследователи акцентируют внимание на территориях, входивших «в состав Черкесии» (например, расселение абадзинов, Таманский полуостров XIII–XV вв. описывается как часть, так называемой, «Зихии», идентифицируя ее с «Черкесией») [15; 23, с. 21]. При этом каких-либо методологических подходов к определению дефиниции «Черкесия» как государственного образования или «этнополитического пространства Черкесии» [23, с. 5, 46, 47], топонима в региональной историографии не выработано. Одним из источников, на который опираются исследователи, стал труд Хан-Гирея «Записки о Черкесии» (1834), составленный для императора Николая I [18, с. 83]. Поэтому по-прежнему актуальным остается рассмотрение содержания понятия «Черкесия», «Великая Черкесия» в отечественной историографии с выделением позиции региональных исследователей.

В XIX в. на территории Западного Кавказа произошло столкновение внешнеполитических интересов России, Турции, Англии и Франции. К заключительному этапу Кавказской войны относится попытка верхушки горских племен создать какое-либо государственное образование с целью противостояния Российской империи. Одной из них была неудачная попытка Шамиля распространить теократию на Черноморское побережье. Более реальным стало формирование «Сочинского» меджлиса, объединившего 15 племен. В советской историографии создание меджлиса рассматривалось с точки зрения необходимости управления массами, как аппарат принуждения и насилия над населением. Иная точка зрения заключалась в том, что меджлис – это «проект социальной реформы». По своей сути он был «утопичным», т.к. у горцев не были развиты общественные отношения, существовали патриархальные традиции, родовая разобщенность, внутренние социальные противоречия и другие причины. Но основная цель – меджлис, созданный на идее «черкесского суверенитета», должен был возглавить «всемирную войну» против России [13, с. 182, 183, 184; 21, с. 175–176, 177]. Отсюда и попытки лидеров меджлиса обеспечить международную и военную поддержку сопротивления, налаживания связи с «комитетом помощи Черкесии» в

Османской империи и лондонским черкесским комитетом [18, с. 154, 155; 21, с. 12, 178–179]. Э. Спенсер, английский эмиссар в Причерноморье, характеризовал собрания горцев в ходе формирования меджлиса как «конфедеративные» и описывал получение из Турции «национального» знамени, сделанного «черкесской княжной» [18, с. 103]. Налаживание связей осуществлялось представителями меджлиса путем подачи петиций в Стамбул, Лондон, Париж. Так Англия была извещена о создании меджлиса и попытках проведения административно-территориальной реформы и о несогласии с правом Турции передавать России, согласно мирным договорам, территории, заселенные горскими племенами. Следствием этого стало обращение лондонского черкесского комитета, возглавляемого Э. Билзом, в Кабинет министров Британии с требованием отправить торговый флот к берегам «Черкесии» для поддержки «черкесского правительства» [10, с. 83–87; 21, с. 179]. В Причерноморье находились и иностранные эмиссары, проводившие агитацию среди горцев. Это зафиксировано в воспоминаниях и записках русских [28, с. 76, 77] и иностранных офицеров [22, с. 120, 152, 154]. В современной историографии точка зрения по данному вопросу не противоречит сложившейся в советское время. Сочинский меджлис расценивается как попытка создания государственности, а неудачный итог связывается с отсутствием письменного законодательства и «поверхностным усвоением» горцами «норм шариата». При этом Англия и Турция видели в Сочинском меджлисе «эффективный инструмент затягивания вооруженного конфликта на Кавказе», пытаясь создать с его помощью постоянный очаг напряженности для России на южных рубежах [14, с. 83, 84].

Таким образом, в отечественной историографии сложилась точка зрения, что в Причерноморье прослеживались попытки формирования автономной государственной структуры (меджлис, административно-территориальная структура, налаживание международных связей) на идее «черкесского суверенитета» и международной поддержки войны с Россией. В международной практике появилось понятие «Черкесия».

Обращаясь к региональной историографии по данной проблематике, отметим, что в 1980-е – 1990-е гг., в сущности, была прервана традиция комплексного анализа социально-экономических и этнополитических процессов, разрабатываемая советскими историками и этнографами. В результате смены предметной области исследований внимание было сконцентрировано на вопросах «национальной государственности» без привлечения нового источникового материала и формирования нового научного инструментария [4; 20, с. 99, 100]. Как следствие понятие «черкесский меджлис» рядом исследователей стал трактоваться как парламент, который сравнивался с парламентом Англии [11, с. 15], а руководство меджлиса позиционировалось как «правительство Черкесии», которое было представлено в «Черкесских комитетах», располагавшихся в Стамбуле и Лондоне [16; 24, с. 167–178; 25].

Результаты и обсуждение (Results and Discussions).

На основе идеологических трактовок, во многом сформированных в Османской и Британской империях, наложенных на избирательные исторические факты, в региональной историографии была создана концепция о существовании во второй половине XIX в. административно-территориального государственного образования с признаками конфедерации и о том, что «Черкесия» была субъектом международного права. Однако документов о международном признании какой-

либо формы государственного объединения на территории Западного Кавказа не существует [4; 20, с. 99, 100].

Исследование историографических данных и введение в научный оборот нового источникового материала (СМИ, Интернет-ресурс) позволило поставить вопросы, не получившие ранее своего отражения в научных работах. Новизна нашего исследования заключается в том, что контент «Черкесия»-«Великая Черкесия», сформированный в региональной историографии в 1990-е гг., рассматривается как историческая мифологема.

Мифотворчество как процесс имеет свои следствия. Созданные мифы, мифологемы становятся средством контроля и управления, оказывая социальное воздействие на сознание людей, становясь основополагающими в идеологических и мировоззренческих установках, влияя на образ мыслей отдельного человека или целые группы, во взглядах на события, в том числе исторические. На их базе формируются программы социальных и общественно-политических движений любого этноса. На обсуждении мифа, используя исторический фон, можно «создать» себе «политическое имя». Мифы и мифологемы успешно используют в определенной исторической ситуации. Так, конструкт «Великая Черкесия» «всплыл» в 1930-е гг., согласно информации А. Абрегова, директора Национального музея Республики Адыгея в конце 1980-х – начале 2000-х гг. [27]. Он опирается на обвинительное заключение по делу, так называемой «группы Ладария» (В. Ладария – секретарь Абхазского обкома КП(б) Грузии в 1930–1936 гг.), с которым получил возможность ознакомиться после 1991 года. В документе употреблялось словосочетание «Великая Черкесия». Суть дела заключалась в том, что группа Ладарии якобы ставила задачу основания националистической буржуазной организации для создания государственного автономного образования с последующим выходом из состава СССР и присоединением к Турции.

Как видим, конструкт «Великая Черкесия» стал эффективным инструментом в проведении курса репрессивной политики на Западном Кавказе. При этом, по данным А. Абрегова, в деле не было ни одного документа – манифеста, воззвания и т.п. о создании «Великой Черкесии». С его точки зрения, это дело было сфабриковано в НКВД против партийных руководителей и ученых. К тому же этот пример показывает, что в основе этого конструкта лежит концепция, сформированная еще в XIX веке. Так, А. Абрегов утверждает, что на этнической карте Кавказа существовало государственное объединение «Черкесия» [27]. Последнее суждение имеет своих сторонников среди современных адыгов, которые видят в нем «восстановление» историко-культурного пространства черкесов.

В 1990-е – начале 2000-х гг. помимо региональной историографии идея «Великой Черкесии» была «возрождена» и активно муссировалась в материалах СМИ, а затем в Интернет-пространстве вплоть до Сочинской Олимпиады-2014. Появились даже литературные работы по данной проблематике. Например, Я.А. Гордин, используя обширные источниковые материалы, делает попытку своей оценки событий Кавказской войны. Красной нитью проходит мысль о «Черкесии», которую он сравнивает с Кавказской Атлантидой [7, с. 384–385, 389].

Представители и активисты адыгских национальных общественных организаций, ряд политологов сформировали свою точку зрения на данную проблематику. В начале 1990-х гг. был сформирован очередной проект «Великая Черкесия» [7]. Его рассмотрел в своих многочисленных работах Мухамед О. Будай (Сирия). Он четко определяет «государство «Великая Черкесия» как

«мифическое», «...им (представителям адыгской общественности – М.Б.) показалось, что все поверили в то, что они черкесы...» и они начали «...претендовать на земли истинных черкесов..., проектировать его субъектообразующие народы...» [6]. В этой связи рассмотрим более подробно, что предусматривал проект «Великая Черкесия». В нем речь идёт о создании некоего образования черкесов на Кавказе, т. н. «исторической Великой Черкесии». Территориально она должна включать, по меньшей мере, три субъекта на Кавказе (полностью или частично) – Республики Адыгея, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская [9]. Этот вопрос обсуждался на Чрезвычайном съезде черкесского народа, который состоялся в ноябре 2008 г. в Черкесске [1]. Отметим, что представители общественного движения «Черкесский конгресс» их Адыгеи значительно расширили свои территориальные притязания. На съезде была продемонстрирована карта Черкесии в составе России. В будущее новообразование авторы включили часть территории Краснодарского края, в том числе Черноморское побережье вплоть до границы с Республикой Абхазия, Республику Адыгея, половину Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик, часть Ставропольского края с курортами Ессентуки, Минеральные воды, Пятигорск, Кисловодск. Следует отметить, что с высказанными адыгскими представителями заявлениями и претензиями не были согласны участники съезда от северокавказских республик [1].

При этом лидеры национально-общественного движения из Адыгеи апеллировали к международному праву, опираясь на «Декларацию ООН о правах коренных народов». Аргументировали тем, что обозначенные территории являются «историческими землями» адыгов/черкесов, которые РФ «должна» им вернуть, чтобы «удовлетворить» национальные интересы [1]. Чтобы представлять, на чем основывались подобные претензии, обратимся, собственно, к документу. В «Декларации ООН о правах коренных народов» отмечалось: многие коренные народы стали жертвами исторической несправедливости, колонизации, лишены своих земель, что «препятствует осуществлению ими... своего права на развитие в соответствии с их потребностями и интересами»; о необходимости признания права коренных народов на «свои земли, территории и ресурсы»; об убежденности в том, что «контроль за событиями», затрагивающих их земли, позволит коренным народам сохранить и укрепить свои социальные институты, традиции и культуру, развивать свои потребности [8]. Статьи Декларации прямо указывают: на осуществление права коренных народов на автономию (ст. 4), необходимость со стороны государства «обеспечить эффективные механизмы предупреждения и правовой защиты в отношении... любого действия, имеющего своей целью или результатом лишения.. своих земель, территории или ресурсов» коренных народов (ст. 8b); невозможность принудительного удаления коренных народов со своих территорий (ст. 10); заявлялось о праве коренных народов на землю, территории и ресурсы, «которыми они традиционно владели, ... занимали или иным образом использовали или приобретали» (ст. 26/1) с юридическим признанием таких земель, территорий и ресурсов (ст. 26/3). Однако РФ данную резолюцию ООН не ратифицировала. К тому же в советское время все эти права в той или иной мере были реализованы для автохтонных народов. Отметим, что, начиная с конца 1980-х гг., многие представители коренных народов обращались к международному

праву с целью добиться для себя каких-либо преференций за счет других [3]. Не стали исключением и адыго-черкесские народы.

Таким образом, проект «Великая Черкесия» предусматривал автономизацию, что, безусловно, делало приоритетными национальные интересы, связанные не только с территориальной самостоятельностью. В этом контексте одним из главных вопросов стала проблема признания «геноцида» черкесских народов в ходе Кавказской войны XIX в. В начале 2000-х гг. с такой просьбой к Грузии обратились лидеры «Черкесского конгресса» [1]. Признание «геноцида» повлечет за собой требование репатриации для многомиллионной диаспоры на «историческую родину» за счет РФ. По сути, муссирование этих вопросов в Интернете и СМИ – это повод напомнить о себе. С другой стороны, в СМИ и Сети присутствует и другое мнение по данной ситуации. Так, карачаевский журналист Б. Урусов считает, что «черкесская» проблема является «совместным американо-грузинским проектом». С его точки зрения, это реакция Грузии на участие чеченцев и адыгов на стороне Абхазии в грузино-абхазском конфликте [1].

Данные процессы получили оценку в современной историографии. К примеру, Г.Г. Матишов, Ю.Ю. Клычников, Т.П. Хлынина считают, что в основе обсуждаемого представителями адыгской общественности проекта о создании единой для всех черкесских народов республики лежит идея о сознательном разъединении адыгов советской властью, а существующие автономии рассматриваются как «умелый политический маневр», отвлекающий адыгов от идеи отстаивания этнической консолидации. При этом исследователи отмечают, что «...полностью игнорируются территориальная разобщенность народов и социально-экономические трудности, сопряженные с выделением национальных областей (районов)...» [14, с. 85–86].

Заключение (Conclusions)

Анализ контента «Великая Черкесия»/«Черкесия» показал, что его можно определять как историческую и политическую мифологему, которая соответствует следующим характеристикам: имеет этническую, региональную специфику и обращена в прошлое. В региональной историографии понятие «Черкесия» с начала 1990-х гг. связывалось с наличием государственности у адыгских народов («государственное объединение», «этнополитическое пространство» черкесов). В исторической ретроспективе его возникновение ряд исследователей относил к средневековью (некое образование Зихия, которое идентифицируется с «Черкесией»). Основное внимание вплоть до настоящего времени отводится событиям Кавказской войны XIX в., особенно ее заключительному этапу, когда был создан Сочинский меджлис. Он был образован на идее «черкесского суверенитета» и международной поддержки войны с Россией. Следствием попыток меджлиса установить международные связи (Турция, Англия, Франция) и наличия иностранных эмиссаров на Западном Кавказе среди горцев стало появление в международной практике понятия «Черкесия» («комитет помощи Черкесии» в Османской империи и лондонский черкесский комитет в Британии).

Рассматривать понятие «Великая Черкесия» как мифологему позволяет и отсутствие первичных источников при анализе его генезиса в региональной историографии постсоветского периода. Ряд исследователей опираются в основном на историографические (вторичные) источники, т.к. адыги и адыгские субэтноты не имели своей письменности. То есть важнейшим способом хранения информации и источником коллективных исторических представлений у них были легенды,

эпос и другие формы фольклора, на этой основе была сформирована эпическая модель прошлого.

Мифологема «Великая Черкесия» была также использована в 1930-е гг. в политических целях (дело Ладария), а затем в начале 1990-х гг. Идея «Великой Черкесии» была выдвинута на II съезде адыго-шапсугского народа в ноябре 1992 г. [14, с. 81]. На основе мифологема стал выработываться проект создания автономии «Великая Черкесия» на базе слияния населенных черкесами субъектов РФ, возможности массового возвращения потомков переселенцев-черкесов из других стран в Россию с получением существенных преференций (в частности, земель за счет нечеркесского населения Северного и Западного Кавказа). С этого времени в информационном пространстве мифологема получила политическую окраску, став одной из основополагающих в идеологических и мировоззренческих установках определенных социальных групп.

В заключение отметим, что поднимаемая проблематика, как и в целом «черкесский вопрос» еще долгое время будет вызывать острые дискуссии. Поэтому, безусловно, требует уважительного отношения к проблеме, а исследование таких трагических событий – внимательного изучения. При этом необходимо проводить оценку направленности и содержания контента «Великая Черкесия» в русле сохранения и укрепления социального мира межнационального единства, не игнорируя этнической истории. В тоже время интерпретация исторических событий и фактов должны быть даны с позиций науки, взаимопонимания, межкультурного взаимодействия, а не исходя из политической ситуации и позиции отдельных социальных групп, стремящихся к получению преференций или политическому влиянию. Только при этих критериях и подходах национальные идеи играют позитивную роль в стремлении сохранить национальную историю, культуру, целостность народа, обеспечить его консолидацию.

Литература

1. Асламова Д. Кому нужна Великая Черкесия от Сочи до Азовского моря // Комсомольская правда. 02.09.2010. URL: <https://www.kp.ru/daily/24551.4/727499/> (дата обращения: 10.03.2021).
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. М., 1989. 616 с.
3. Белозёрова М.В. Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири (1920-е гг. – начало XXI в.); автореферат... доктора ист. наук. Томск: Томский госуниверситет, 2008. 56 с.
4. Белозёрова М.В. Цивилизационный подход в исследованиях общества Западного Кавказа: методологический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Кемерово, 2018. № 43. С.27–35.
5. Белозёрова М.В. Историческое мифотворчество и проблемы этнической идентичности у коренных народов юга России (конец 1980-х – 2010-е гг.) // Миф в истории, политике, культуре. Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции. Севастополь, 2019. №3. С. 344–349. URL: https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Sbornik-_Mif-2019-s-oblozhkoi.pdf (дата обращения: 29.03.2021).

6. Будай М.О. В поисках «Великой Черкесии». URL: <https://docplayer.ru/28309842-V-poiskah-velikoy-cherkesii-m-o-buday.html> (дата обращения: 07.04.2021).
7. Гордин В.А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. Москва: Время, 2014. 512 с.
8. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята на 107 Пленарном заседании 13 сентября 2007 года // Московский журнал международного права. Москва, октябрь-декабрь 2007 г. № 4. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902086029> (дата обращения: 29.03.2021)
9. Динаев И. Великая Черкесия – Великий Карачай? // Caucasus Times. – 07.12.2008. URL: <https://caucasustimes.com/ru/velikaja-cherkesija-velikij-karachaj/> (дата обращения: 10.03.2021).
10. Инал-Ипа Ш.Д. Убыхи. Историко-этнографические очерки. («Обращение к английской королеве от 26 августа 1862 года черкесских делегатов от Союза черкесских племен»). Сухум, 2015. 560 с.
11. Кажаров В.Х. Адыгская хаса: Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1992. 160 с.
12. Круталевич А.Н. «Мифологема» в понятийном аппарате культурологии // Culture and Civilization. 2016. № 1. С. 10–21. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2016-1/1-krutalevich.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).
13. Лавров Л.И. Убыхи. Санкт-Петербург, 2009. 236 с.
14. Матишов Г.Г., Клычников Ю.Ю., Хлынина Т.П. «Черкесский вопрос»: история, политика и современное мифотворчество // Вестник Южного научного центра РАН. 2012. № 1. Т. 8. С. 80-89.
15. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1994. 231 с.
16. Панеш А.Д. Создание Черкесского государства // Информационный портал Голос. Адыгемакь. URL: <http://www.adygvoice.ru/newsview.php?uid=4408> (дата обращения 10.10.2015).
17. Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск, 1991. 440 с.
18. Половинкина Т.В. Черкесия – боль моя: Исторический очерк (древнейшее время – начало XX в.). Майкоп, 2001. 224 с.
19. Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война. Москва: СИНТЕГ, 2000. 180 с.
20. Садовой А.Н., Белозёрова М.В. Черкесский меджлис (1861-1863 гг.): методологические аспекты этносоциальных исследований // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2020. № 5 (115). С. 96–101. DOI: [doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)5-14](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)5-14).
21. Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. Ленинград, 1935. № 4. С. 135–181.
22. Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863–1864 гг. Из записок участника-иностранца. Нальчик: «Адыги», 1991. 28 с.
23. Хотко С.Х. Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII–XVI вв.: проблемы и перспективы исследования; автореферат... доктора ист. наук. Майкоп, 2017. 52 с.
24. Чирг А.Ю. Общественно-политические преобразования у западных адыгов в период Кавказской войны // Метаморфоз vs Трансформация:

Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв. Ростов-на-Дону, 2013. С. 274–277.

25. Чунтыжева Р.В. Сочинский меджлис: опыт общественно-политического творчества адыгов в XIX веке // Вестник Майкопского государственного технологического университета. Майкоп, 2014. Вып. 4. С. 15–19.

26. Шеуджен Э.А. Теоретико-методологические ориентиры исследований по истории Северного Кавказа // Метаморфоз vs Трансформация: Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв. Ростов-на-Дону, 2013. С. 14–28.

27. Шмулевич А. Великая Черкесия: провокация и мечта // АПН – Агентство политических новостей. 11.02.2013. URL: <https://www.apn.ru/publications/article28417.htm> (дата обращения: 22.03.2021).

28. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. Майкоп, 1993. 121 с.

References

1. Aslamova D. Komu nuzhna Velikaiâ Cherkessiiâ ot Sochi do Azovskogo moriâ [Who needs Great Circassia from Sochi to the Sea of Azov] // Komsomol'skaïa pravda. 02.09.2010. URL: <https://www.kp.ru/daily/24551.4/727499/> (data obrashcheniâ: 10.03.2021). (In Russian).

2. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poëtika [Selected Works: Semiotics: Poetics:]: Per. s fr. M., 1989. 616 s. (In Russian).

3. Belozërova M.V. Problemy integratsii i natsional'nogo samoopredeleniâ korennykh narodov Tuzhnoï Sibiri (1920-e gg. – nachalo KhKhI v.) [Problems of Integration and national Self-Determination of the Indigenous Peoples of Southern Siberia (1920s - early XXI)]; avtoreferat... doktora ist. nauk. Tomsk: Tomskii gosuniversitet, 2008. 56 s. (In Russian).

4. Belozërova M.V. Tsivilizatsionnyi podkhod v issledovaniâkh obshchestva Zapadnogo Kavkaza: metodologicheskii aspekt [The Civilizational Approach in the Western Caucasus society Study: methodological Aspect] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. Kemerovo, 2018. № 43. S.27–35.

5. Belozërova M.V. Istoricheskoe mifotvorchestvo i problemy ètnicheskoi identichnosti u korennykh narodov iuga Rossii (konets 1980-kh – 2010-e gg.) [Historical Myth-making and ethnic Identity among Southern Russia Natives (late 1980s – 2010s)] // Mif v istorii, politike, kul'ture []. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii. Sevastopol', 2019. №3. S. 344–349. URL: https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Sbornik-_Mif-2019-s-oblozhkoi.pdf (data obrashcheniâ: 29.03.2021).

6. Budaï M.O. V poiskakh «Velikoi Cherkessii» [In Search of "Great Circassia"]. URL: <https://docplayer.ru/28309842-V-poiskah-velikoy-cherkessii-m-o-buday.html> (data obrashcheniâ: 07.04.2021).

7. Gordin V.A. Kavkazskaïa Atlantida. 300 let voïny [Caucasian Atlantis. 300 Years of War]. Moskva: Vremiâ, 2014. 512 s.

8. Deklaratsiia Organizatsii Ob"edinennykh Natsii o pravakh korennykh narodov. Priniata na 107 Plenarnom zasedanii 13 sentiabriâ 2007 goda [United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples] // Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava. Moskva,

oktiabr'-dekabr' 2007 g. № 4. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902086029> (data obrashcheniia: 29.03.2021)

9. Dinaev I. Velikaia Cherkesiia – Velikii Karachai? [Great Circassia – Great Karachay?] // Caucasus Times. – 07.12.2008. URL: <https://caucasustimes.com/ru/velikaja-cherkesija-velikij-karachaj/> (data obrashcheniia: 10.03.2021).

10. Inal-Ipa Sh.D. Ubykhi. Istoriko-étnograficheskie ocherki. («Obrashchenie k angliiskoi koroleve ot 26 avgusta 1862 goda cherkesskikh delegatov ot Soiūza cherkesskikh plemen») [Ubykhs. Historical and ethnographic Essays]. Sukhum, 2015. 560 s.

11. Kazharov V.Kh. Adygskaiia khasa: Iz istorii soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdenii feodal'noi Cherkesii [Adyghe Khasa: From the History of Estate-Representative Institutions of feudal Circassia]. Na'chik: Él'brus, 1992. 160 s.

12. Krutalevich A.N. «Mifologema» v poniatiinom apparate kul'turologii ["Mythologeme" in the Conceptual Apparatus of Culturology] // Culture and Civilization. 2016. № 1. S. 10–21. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2016-1/1-krutalevich.pdf> (data obrashcheniia: 10.03.2021).

13. Lavrov L.I. Ubykhi [Ubykhs]. Sankt-Peterburg, 2009. 236 s.

14. Matishov G.G., Klychnikov Iū.Iū., Khlynina T.P. «Cherkesskiĭ vopros»: istoriia, politika i sovremennoe mifotvorchestvo ["The Circassian Question": History, Politics and modern Myth-Making] // Vestnik Iuzhnogo nauchnogo tsentra RAN. 2012. № 1. T. 8. S. 80–89.

15. Nogmov Sh.B. Istoriiia adykheiskogo naroda. Sostavleniia po predaniiam kabardintsev [History of the Adykhean People. Compiled according to the Legends of the Kabardians]. Na'chik, 1994. 231 s.

16. Panesh A.D. Sozdanie Cherkesskogo gosudarstva [Creation of the Circassian State] // Informatsionnyi portal Golos. Adygemak". URL: <http://www.adygvoice.ru/newsview.php?uid=4408> (data obrashcheniia 10.10.2015).

17. Pivoev V.M. Mifologicheskoe soznanie kak sposob osvoeniia mira [Mythological Consciousness as a Way of Mastering the World]. Petrozavodsk, 1991. 440 s.

18. Polovinkina T.V. Cherkesiia – bol' moiia: Istoricheskiĭ ocherk (drevneishee vremia – nachalo KhKh v.) [Circassia - my Pain: Historical Essay (the most ancient Time – the beginning of the twentieth Century)]. Maikop, 2001. 224 s.

19. Pocheptsov G.G. Informatsionno-psikhologicheskaiia voina [Information-psychologicals War]. Moskva: SINTEG, 2000. 180 s.

20. Sadovoi A.N., Belozërova M.V. Cherkesskiĭ medzhlis (1861-1863 gg.): metodologicheskie aspekty étnosotsial'nykh issledovaniĭ [Cherkess Majlis (1861-1863): methodological Aspects of ethnosocial Research] // Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Barnaul, 2020. № 5 (115). S. 96–101. DOI: [doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)5-14](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)5-14).

21. Fadeev A. Ubykhi v osvoboditel'nom dvizhenii na Zapadnom Kavkaze [Ubykhs in the liberation Movement in the Western Caucasus] // Istoricheskiĭ sbornik. Leningrad, 1935. № 4. S. 135–181.

22. Fonvill' A. Posledniĭ god voiny Cherkesii za nezavisimost' [The last Year of the Circassian War of Independence]. 1863–1864 gg. Iz zapisok uchastnika-inostrantsa. Na'chik: «Adygi», 1991. 28 s.

23. Khotko S.Kh. Genesis adygskogo (cherkesskogo) étnopoliticheskogo prostranstva v XIII–XVI vv.: problemy i perspektivy issledovaniia [The Genesis of the Adyghe (Circassian) Ethnopolitical Space in the 13th–16th Centuries: Problems and Perspectives of Research]; avtoreferat... doktora ist. nauk. Maikop, 2017. 52 s.

24. Chirg A.Iū. Obshchestvenno-politicheskie preobrazovaniia u zapadnykh adygov v period Kavkazskoi voiny [Socio-political Transformations among the Western Circassians

during the Caucasian War] // *Metamorfoz vs Transformatsiia: Mul'tidistsiplinarnyi podkhod k izucheniiu istorii adygov v XIX–XXI vv. Rostov-na-Donu*, 2013. S. 274–277.

25. Chuntzyzheva R.V. Sochinskiĭ medzhlis: opyt obshchestvenno-politicheskogo tvorchestva adygov v XIX veke [Sochi Mejlis: the Experience of socio-political Creativity of the Adyghes in the 19th century] // *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Maikop*, 2014. Vyp. 4. S. 15–19.

26. Sheudzhen È.A. Teoretiko-metodologicheskie orientiry issledovaniĭ po istorii Severnogo Kavkaza [Theoretical and methodological Guidelines for Research on the History of the North Caucasus] // *Metamorfoz vs Transformatsiia: Mul'tidistsiplinarnyi podkhod k izucheniiu istorii adygov v XIX–XXI vv. Rostov-na-Donu*, 2013. S. 14–28.

27. Shmulevich A. Velikaia Cherkessiia: provokatsiia i mechta [Great Circassia: Provocation and Dream] // *APN – Agentstvo politicheskikh novosteĭ*. 11.02.2013. URL: <https://www.apn.ru/publications/article28417.htm> (data obrashcheniia: 22.03.2021).

28. Èsadze S. Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoi voĭny. Istoricheskiĭ ocherk Kavkazsko-gorskoĭ voĭny v Zakubanskom krae i Chernomorskom poberezh'e [Conquest of the Western Caucasus and the End of the Caucasian War. Historical Sketch of the Caucasian-Mountain War in the Trans-Kuban Region and the Black Sea Coast]. Maikop, 1993. 121 s.

Сведения об авторе:

Белозёрова Марина Витальевна

главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук», доктор исторических наук, доцент (г. Сочи, Россия).

E-mail: mbelozerowa@mail.ru

Bionotes:

Belozeroва Marina Vitalievna

Senior Researcher, Federal Research Centre «Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences», Doctor of History, Associate Professor (Sochi, Russia).

Для цитирования:

Белозёрова М.В. «Великая Черкесия»: к вопросу о мифах в информационном поле и историографии Западного Кавказа // *Мифологос. Серия «Миф и общество: история, политика, социология»*, № 4, 2022. С. 53–64.

For citation:

Belozeroва M.V. «Great Circassia»: on the Issue of Myths in the Information Field and Historiography of the Western Caucasus // *Mythologos. Myth and Society: History, Politics, Sociology Series*, no. 4, 2022. С. 53–64.